

зательством рассуждение автора о том, что такая система письма не находит параллелей в истории письменности; не внушает доверия сам метод автора — объявлять невероятным все, что непохоже на «классические» системы письма древности (хеттскую, египетскую) или на архивы Угарита и Алалаха. Однообразие приемов исследователя — видеть типологическую исключительность как самого письма, так и всего того, что создано на этом письме, — поистине поразительно: Экшмит ничего не говорит о глубоком сходстве ближневосточных архивов с архивами Пилоса и Кносса, хотя многочисленные исследования показали возможность сопоставлений конкретных документов.

Возражения Экшмита часто носят формальный характер и не могут служить доказательством ложности дешифровки. С формальных позиций дается соотношение кипрского силлабария с линейным письмом В. Экшмит анализирует эти системы независимо от того, какой язык они призваны отражать. Автор «Контроверзий» исходит из положения, что формальные несоответствия двух графических систем свидетельствуют о фундаментальных их различиях. Эта мысль пронизывает многие рассуждения Экшмита: от трех пунктов, разделяющих обе системы («юность» кипрского силлабария, количественное несовпадение слоговых знаков, отсутствие в кипрском идеограмм), до попыток доказать изолированность линейного В среди «действительно дешифрованных» систем письма. Принципы кодирования, существующие в линейном В, рассматриваются Экшмитом не иначе, как дефект дешифровки; именно с этой точки зрения он оценивает двойное написание (Doppelschreibung), возмущаясь тем, что в линейном В применяется другой способ передачи смысла, чем в немецком или греческом. Идеограммы в текстах линейного В — это не плеоназм (по отношению к силлабограммам), как полагает Экшмит; применение идеограмм, возможно, связано с графической традицией, пришедшей в линейное В из другой системы письма (сходство некоторых идеограмм в линейном А и микенском силлабарии). Говоря о плеонастическом употреблении идеограмм в линейном В, Экшмит совершенно не учитывает их роль ограничителей интерпретационных возможностей, заложенных в способе передачи греческого языка знаками слогового письма. Экшмит не представляет себе, как существенна в микенских надписях организация передаваемого материала и какое значение приобретают в этой связи идеограммы, выполняя свою основную функцию — функцию классификаторов. Расположение текста в табличках, как правило, стереотипно, и определенное место в оформлении сведений занимает идеограмма. Скрипторы Пилоса и Кносса выработали формальное требование для заполнения места в табличке, поэтому даже в тех случаях, когда смысл текста, казалось бы, ясен из силлабограмм, идеограммы (или слоговые знаки в роли идеограмм) ставятся рядом с силлабограммой перед числовым знаком: агега А + RE + RO₂ 10; или εἰς ἄνα ρακανа идеограмма 50.

Ведущую роль в появлении таких надписей бесспорно играет традиция и определенный способ оформления текста, связанный прежде всего с целями классификации имеющихся документов.

Контроверзии линейного В не носят «глубинный» характер, они не связаны с фундаментальными проблемами микенологии и — что самое важное — они не могут доказать ложность дешифровки. Основной недостаток работы Экшмита — отсутствие методов исследования, обусловленных спецификой самого материала. Желая доказать порочность дешифровки, автор избрал путь, менее всего годный для этой цели. Сосредоточив все усилия на формальном обсуждении графической системы линейного В, Экшмит совершенно не рассматривает язык, открывшийся в результате дешифровки, но в какой степени можно судить о верности или ложности дешифровки системы письма без тщательного изучения языка, передаваемого этой системой? Полностью отвергая дешифровку, Экшмит закрыл себе путь «внутреннего» рассмотрения критикуемой им языковой системы; не случайно, что среди контроверзий, предлагаемых автором, мы не встречаем контроверзий, связанных с изучением языковых данных; сопоставление языка текстов линейного В с греческим позднего периода не проводится в книге. Доказывая беспочвенность микенологии, автор тем не менее не стремится рассматривать

те методы исследования, которые успешнее всего применяют его научные противники — методы лингвистического анализа.

Сравнивая цели и результаты работы Экшмита, мы вправе заметить, что он оказался в плену выбранной им позиции неприятия дешифровки,⁵ позиции, неудачной для тех задач, которые поставил перед собой сам автор. Говоря о кипрском силлабарии и линейном В, Экшмит не упоминает, что в них решена одна и та же проблема — передача греческого языка только по схеме «гласный, согласный + гласный» и нельзя не заметить безусловного единства в этом решении. Все сходство и все различия кипрского и линейного В как графических систем, отражающих один и тот же язык, заключается в делении греческого слова на слоги. Как известно, кипрский силлабарий выработал графические приемы отражения заканчивающих слог согласных — именно здесь основное различие между силлабариями XIV и VI столетий. Однако это различие воспринимается как различие только при передаче одного и того же языка со сходными правилами слоγοотделения. Показал ли Экшмит, что приемы силлабификации текстов линейного В противоречат принципам слоγοотделения, принятым в греческом языке? Разумеется нет, поскольку правила слоγοотделения едины для всего греческого языка — от языка документов линейного В до «алфавитного» греческого.

Нам остается рассмотреть последнюю тему работы — оценку автором документов линейного В. Принцип изложения материала остался прежним: если в первой части книги Экшмит утверждал, что линейное В не может быть в том виде, в каком представила его дешифровка, что сходство с кипрским силлабарием подозрительно, то теперь содержание текстов объявляется лишенным смысла, трудности толкования и многозначность интерпретаций документов оцениваются... как дефекты дешифровки.

Рассмотрев ряд надписей серии А, Экшмит приходит к крайнее недоумение: почему мужчины в этих текстах нигде не названы по профессии, тогда как для женщин обычно указывается или место происхождения или их профессия (стр. 71). Действительно, почему? Далее мысль автора переносится ко всему содержанию пилосского архива, которое характеризуется (на 90%) «постоянными эпитетами»: *undurchsichtiger, unvollständiger, zusammenhanglos und sporadisch* (стр. 75), — к сожалению, такие емкие понятия, как *unwahrscheinlich* и *merkwürdig*, на этот раз отсутствуют. Появление слова *damo* в текстах линейного В Экшмит встречает следующим рассуждением: *damos* обычно *сближают с δῆμος* и это ведет к гипотезе, что в микенских деревнях было общинное землевладение. Теория *общинного землевладения* для микенского времени — один из наиболее спорных пунктов в *интерпретации серии Е* (стр. 76), а соотношение *damo* с позднейшим *demos* вообще сомнительно (стр. 85).

Можно ли переводить слово *damos* терминем «община», было ли в Пилосе (и Кноссе) частное и общинное землевладение — все эти вопросы достаточно сложны, но их решение никак не может быть связано с проблемой ложности или правильности дешифровки.

И еще одно замечание. Тон, каким написана книга, недопустим в научных дискуссиях, особенно он неуместен при обсуждении вопросов, стоящих в названии самой книги.

Г. Ф. Полякова

R. N. SHARP, *The Inscriptions in Old Persian Cuneiform of the Achaemenian Emperors*. Published by the Central council of the celebration of the 25-th century of the foundation of the Iranian Empire, 1971, 182 стр. + 15 илл.

Новое издание древнеперсидских надписей, предпринятое Р. Н. Шарпом, содержит параллельную републикацию всех известных текстов в клинописи и транскрипции. Это несомненное достоинство работы. Напомним, что Бехистунская надпись, например, издавалась последний раз в 1907 г.¹, причем издание содержало значитель-

¹ L. W. King and R. S. Thompson, *The Sculptures and Inscriptions of Darius the Great on the Rock of Behistun*, L., 1907.

ные лакуны и неточности. Однако автор рецензируемой книги поставил перед собой чрезвычайно сложную и вряд ли вообще выполнимую задачу — восстановление целого текста всех надписей. При этом в публикуемом тексте восстановления лакун не только не аргументируются, но даже не отмечаются вообще. Поэтому и предложенную реконструкцию текста можно считать лишь условной.

Кроме грамматического экскурса (стр. 1—17) книга содержит тексты, их перевод и краткий филологический комментарий и почти совершенно не имеет комментарий исторического. Только во вступлении отмечается, что «древнеперсидский — это язык, на котором писали особой системой клинописных знаков и который использовался в надписях Ахеменидов в течение трехсот лет: со времени Ариарамны, внука Ахемена, до Дария III, т. е. с конца VII в. и до 330 г. до н. э., когда династия была свергнута вторжением Александра, после чего древнеперсидская клинопись вышла из употребления» (стр. 1). Остановимся подробнее на транскрипции, переводе и комментарии источников, предлагаемых автором рецензируемой работы.

Первыми по традиции помещены надписи Ариарамны и Аршамы. После перевода этих документов автор разбирает их грамматические особенности (стр. 21, 24). Последние свидетельствуют о том, что настоящие надписи не могли быть составлены ни Дарием I, ни его сыном Ксерксом. Предположение автора, что надписи относятся ко времени правления Ариарамны и Аршамы, должно быть исключено как по историческим, так и по филологическим соображениям. Как показали исследования Ф. Вейсбаха, Х. Шедера, Р. Кента, В. Хинца, М. А. Дандамаева, К. Ниландера и др., древнеперсидская клинопись была создана в начальные годы правления Дария I, а именно в период от 27 ноября 521 г. до марта 518 г. до н. э.

Аргументы, приводимые Р. Шарпом, основаны на том, что пластинки содержат только персидский текст, тогда как надписи Дария составлены на древнеперсидском, эламском и аккадском языках. Следовательно, делает вывод автор, предшествующие правлению Дария I тексты могли не содержать других переводов, поскольку Элам и Вавилон не входили тогда в состав персидского государства (стр. 18)². Однако некоторые надписи Ксеркса I (Хамаданская, надпись из Суз (XSc), Артаксеркса II и других царей также составлены только в древнеперсидском варианте, хотя при них Элам и Вавилон входили в состав державы Ахеменидов. Таким образом, первый аргумент Р. Н. Шарпа не может быть решающим при датировке рассматриваемых надписей.

Второй аргумент автора основан на употребляемых в текстах словах *uṣartīyā* и *uvasram* (*uvaspā*), которые являются эпитетами к слову «страна» (Персия) и переводятся «добролюдная» и «доброконная». Р. Н. Шарп полагает, что Дарий I заимствовал их у своих предков — деда и прадеда, а другие цари не пользовались ими. Но Дарий I в своих надписях использовал многие архаические эпитеты и выражения³. В текстах последующих царей, действительно, нет указанных эпитетов, так же как и другого литературного материала эпохи Дария I. При Ксерксе и всех последующих правителях вообще не было внесено чего-либо нового в древнеперсидский письменный язык.

Таким образом, датировка настоящих надписей временем правления Ариарамны и Аршамы не имеет под собой реальной исторической и филологической базы. Мнение историков, «сомневающих в точности и достоверности этих двух пластинок и доказывающих, что они принадлежат ко времени ахеменидского монарха Артаксеркса II (407—359 гг. до н. э.)» (Р. Н. Шарп, стр. 18), представляется нам более убедительным⁴.

² Как известно, обе эти страны были завоеваны персами при Кире II.

³ K. Nylander, Who wrote the inscriptions at Pasargadae? «Orientalia Suecana», XVI (1967), Uppsala, 1968, стр. 157 сл.

⁴ См. М. А. Дандамаев, Проблема древнеперсидской письменности, ЭВ, 1963, вып. XV, стр. 27 сл. Здесь же приведена библиография.

Следующий большой раздел посвящен надписям Дария I (стр. 26—104). Транскрипция клинописного текста, содержащаяся в работе, полностью совпадает с транскрипцией, представленной в книге американского прагматиста Р. Кента⁵.

Характер примечаний также не вносит ничего нового в эпиграфическое толкование Бехистунской надписи. Так, к замечательному V столбцу дано всего одно примечание — оно относится к седьмой строке. Здесь упомянуто имя Гаубарува. Автор говорит, что это «сын сестры Дария», который, «согласно Геродоту, назывался Мардонием и был женат на Артазостре, дочери Дария I. Но в Бехистунской надписи Дарий утверждает, что Гобрий был сыном Мардония. Возможно, оба, отец и сын Гобрии, носили имя Мардоний, так же как отец и сын Кира носили одно и то же имя Камбиз» (стр. 71). Рассмотрен подробнее этот вывод Р. Н. Шарпа.

В IV столбце Бехистунской надписи (IV, 84) Дарий, сообщая о помогавших ему в убийстве мага Гауматы заговорщиках, отмечает следующее: «Гаубарува по имени, Мардония сын, перс». Здесь ничего не говорится о том, что Гаубарува (Гобрий) был сыном сестры Дария. Но у Гаубарувы-Гобрии был сын Мардоний, женатый на дочери Дария I Артазостре (по Геродоту⁶ — Артозостре). Для полноты картины напомним, что, по Геродоту, Дарий I еще до вступления на престол был женат на дочери Гаубарувы-Гобрии и имел от нее трех сыновей⁷, старший из которых, Артобазан (правильнее Артабазан), не без оснований претендовал на наследование царского престола после Дария. «Сыном сестры Дария» (Р. Н. Шарп, стр. 71) Гаубарува, следовательно, не был. Подобное разъяснение необходимо было сделать, поскольку Р. Н. Шарп дает весьма вольный комментарий, позволяющий читателю предполагать далеко не то, о чем нас информируют источники.

Далее приведены другие надписи Дария I (стр. 75—104), Ксеркса (стр. 105—121), Артаксеркса I (стр. 122), Дария II (стр. 123), Артаксеркса II и Артаксеркса III (стр. 124—131). Р. Н. Шарп отмечает большое количество ошибок в надписи Артаксеркса III, обнаруженной на северной стене его дворца в Персеполе. С ошибкой написано даже имя царя — Artaxšaça. Характер настоящих особенностей текста позволяет заключить следующее. Во второй половине V в. до н. э. древнеперсидская клинопись как система письменности уступает свое место значительно менее громоздкому арамейскому письму. Эламский и аккадский в государственных канцеляриях также были вытеснены арамейским. Вот почему в надписях последних Ахеменидов мы отмечаем так много ошибок различного рода. По характеру последних эти надписи очень близки рассмотренным выше «текстам Арнарамы и Аршамы».

К книге приложен глоссарий древнеперсидских надписей (стр. 132—183). За основу при его составлении взяты формы, в которых эти слова встречаются в надписях Ахеменидов. Такой принцип (принцип конкорданса) привел к тому, что слова с одной и той же основой можно встретить в различных частях глоссария. Его следовало составлять по принципу основ древнеперсидских терминов⁸.

В заключение необходимо отметить, что книга Р. Н. Шарпа может служить пособием для изучения древнеперсидского языка. Что же касается ее исследовательской стороны, то к ней следует подходить с большой осторожностью.

А. В. Эдаков

⁵ R. G. Kent, *Old Persian. Grammar. Texts. Lexikon*, New-Haven, 1961.

⁶ Herod., VI, 43.

⁷ Herod., VII, 2. Гаубарува — имя также одного из сыновей Дария I и Артистоны (Herod., VII, 72).

⁸ В имеющейся литературе ближе всех к решению проблемы составления словаря древнеперсидских надписей подошли В. Бранденштейн и М. Майерхофер (W. Brandenstein und M. Mayrhofer, *Handbuch des Altpersischen*, Wiesbaden, 1964).